

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

I

— Алло! Это Рожиссар?

Прокурор стоял в нижней рубашке возле постели, а с постели на него взирали удивленные глаза супруги. Прокурору было холодно, особенно мерзли ноги. Звонок поднял его так внезапно, что он не успел нашарить ночные туфли.

— Да, а кто его просит?

Он нахмурился и повторил специально для жены:

— Лурса? Это вы, Гектор?

Заинтригованная разговором супруга прокурора, высвободив из-под одеяла длинную, неестественно белую руку, взяла отводную трубку.

— Что? Что?

Голос адвоката Лурса, доводившегося двоюродным братом супруге прокурора, невозмутимо продолжал:

— Я только что обнаружил у себя в доме незнакомого субъекта... На кровати на третьем этаже... Он как раз скончался, когда я вошел... Хорошо бы вам заняться этим делом, Жерар... Все это ужасно неприятно... По-моему, тут явное преступление...

Когда прокурор повесил трубку, Лоранс Рожиссар, которая терпеть не могла своего кузена, небрежно проронила:

— Не протрезвился еще!

В этот вечер все, казалось, было как обычно, пожалуй, еще и потому, что под струями проливного дождя все застыло, оцепенело. Холодный дождь — предвестник зимы — прошел в этом сезоне впервые, и кино на улице Алье пустовало, если не считать двух-трех влюбленных парочек. Кассирша, без толку мерзнувшая в своей стеклянной клетке, с отвращением поглядывала на дождевые капли, поблескивавшие в свете электрических фонарей.

Мулэн был именно таким, каким полагается быть Мулэну в октябре месяце. В «Отель де Пари», в «Дофине», в «Алье» за табль-

дотом обедали коммивояжеры, и им прислуживали официантки в черных платьях, черных чулочках и белых фартучках; изредка по улице проезжала машина, направляясь не то в Невер, не то в Клермон, а может быть, и в Париж.

Жалюзи магазинов были опущены, на вывески щедро лилась с неба вода — лилась на огромную красную шляпу над магазином Блюше, на гигантский хронометр над магазином Теллье, рядом с которым красовалась золотая лошадиная голова — знак того, что здесь торгуют кониной.

За домами просвистел монлюсонский местный поезд, увозивший всего с десяток пассажиров.

В префектуре давали ежемесячный обед на двадцать персон, громко именуемый «банкетом», на который неизменно собирались всегда одни и те же приглашенные.

Редко-редко попадалось не закрытое ставнями окно, а за ним — освещенные электрическим светом фигуры. И в этом лабиринте улочек, до блеска отлакированных дождем, шаги редких прохожих звучали как-то робко, чуть ли не конфузливо.

Стоявший на углу улицы, облюбованной нотариусами и адвокатами, дом Лурса — точнее, Лурса де Сен-Мара — выглядел еще более сонным, чем его соседи, или, вернее, более таинственными казались два его крыла, отделенные от улицы высокой стеной, мощный двор, где посреди пустого бассейна красовался Аполлон, из его уст с зажатой в зубах трубочкой уже не била струя воды.

В столовой, помещавшейся на втором этаже, сидел сам Гектор Лурса, подставив сутулую спину теплу камина, откуда наползал в комнату желтоватый дым от еле тлевших брикетов.

Нынче вечером у Лурса были точно такие же, как и всегда, — ничуть не больше и не меньше — мешки под глазами и все такие же студенистые зрачки, что придавало его взгляду неопределенно-тревожное выражение.

Стол был круглый, скатерть — белоснежная. Сидевшая напротив Лурса его дочь Николь старательно жевала с сумрачным, невозмутимым видом.

Оба молчали. Лурса ел неопрятно, тянулся к тарелке, словно овца к траве, шумно чавкал и временами вздыхал то ли от скуки, то ли от усталости.

Покончив с очередным блюдом, он слегка отодвигался от стола, чтобы дать простор объемистому брюшку, и ждал.

Ожидание это было столь заметным, что Николь воспринимала его как сигнал и слегка поворачивала голову к горничной, стоявшей у стены.

Горничная тут же открывала крышку люка и кричала в шахту подъемника:

— Можно подавать!

Там внизу, в глубоком подвале, помещалась мрачная кухня со сводчатым, как в церкви, потолком; и, услышав крик, низенькая, тощая, уродливая женщина, только что пристроившаяся на кончике стола, чтобы поесть, вскакивала, брала с плиты блюдо и ставила его на подъемник.

И, как всегда, не дойдя нескольких метров до места назначения, механизм сдавал, сцепление заедало, и лишь после многочисленных попыток горничной, караулившей наверху, каким-то чудом удавалось выхватить из подъемника давно ожидаемое блюдо.

Каминная труба не тянула. Весь дом был полон вещей, которые вообще не действовали или действовали из рук вон плохо. Это сразу бросалось в глаза. Положив локти на стол, Лурса горестно вздыхал при каждой очередной аварии подъемника; а когда порывом ветра из камина выбросило длинный язык пламени, Николь забарабанила пальцами по краю стола, что служило у нее признаком дурного настроения.

— Ну что же, Анжель?

— Сейчас, мадемуазель.

Николь пила белое вино, которое подавали в графине. Ее отец предпочитал бургундское и неизменно выпивал за обедом целую бутылку.

— Мадемуазель может сразу же после обеда рассчитаться со мной?

Лурса рассеянно прислушивался к разговору. Он почти не знал этой горничной, только отметил про себя, что она значительно выше и плотнее, чем их прежние служанки, к которым он привык больше, чем к этой рослой девице с энергичной физиономией и спокойно-непочтительными повадками.

— Ваша расчетная книжка при вас?

— Я отдала ее Фине.

Финей, то есть Жозефиной, звалась их кухарка, карлица с дергавшимся лицом, отправлявшая наверх блюда из кухни.

— Хорошо.

Лурса не спросил у дочери, почему горничная уходит от них — по доброй воле или ее расчитали. Каждые две недели у них появлялась новая служанка, и это было ему глубоко безразлично.

Он жевал вареные каштаны и ухитрился осыпать крошками свою домашнюю куртку из черного вельвета. Впрочем, это не имело

значения, так как куртка была вся в пятнах. Слышно было, как из крана капает вода, — очевидно, и этот кран тоже нуждался в починке.

После каштанов Лурса подождал еще с минуту, но, поняв, что продолжения не последует, скомкал салфетку и бросил на стол, так как не в его привычках было складывать ее как полагается. Потом он поднялся со стула.

Сегодняшний вечер прошел совсем так, как и все прочие, без малейших отклонений. Отец не глядел на Николь. Только бросил ей уже с порога:

— Спокойной ночи.

К этому часу походка его становилась грузной, не слишком уверенной. В течение дня Лурса успевал выпить две или три бутылки — чаще всего три — все того же бургундского, за которым он сам спускался в погреб, едва пробудившись ото сна, и со всей осторожностью относил вино к себе в комнату.

При желании с улицы можно было бы проследить путь Лурса, так как сквозь узкие щели ставен по мере его продвижения пробивались тонкие лучики света, можно было даже установить, что адвокат добрался до своего кабинета, расположенного в крайней комнате правого крыла особняка.

Дверь кабинета была давным-давно обита клеенкой — еще во времена отца Лурса, тоже адвоката, а может быть, даже во времена деда, бывшего в течение двадцати лет мэром города. Черная клеенка местами разорвалась, как сукно на старом трактирном бильярде.

В камине, там, где полагается быть подставке для дров или решетке для угля, еще в незапамятные времена и по забытым уже сейчас причинам поставили, конечно временно, маленькую чугунную печурку, но она так и прижилась в кабинете со своей коленчатой трубой. Печурка пытела, старательно раскалялась докрасна, и время от времени Лурса подходил к ней, как к доброму псу, и дружески бросая в ее пасть совок углей, присаживался возле нее на корточки, чтобы помешать золу.

Пассажирский поезд на Монлюсон уже прошел. Теперь за городом посвистывал другой, на сей раз, очевидно, товарный состав. На экране для горстки зрителей, жавшихся в углах кинозала, пахнувшего мокрой одеждой, проплывали, подрагивая, кадры какого-то фильма. Префект пригласил своих гостей в курительную комнату и открыл ящик сигар.

Прокурор Рожиссар, воспользовавшись тем, что сегодня партия бриджа не состоялась, решил пораньше лечь спать, а его жена читала рядом в постели.

Лурса высморкался так, как сморкаются только старики да крестьяне: сначала развернул платок во всю ширину, потом произвел носом трубный звук три раза подряд, после паузы еще пять раз и так же аккуратно сложил платок.

Он был один в своем жарко натопленном логове, которое всегда запирали на ключ по склонности природы. Из-за порочной склонности, уточняла Николь.

Его седые волосы были всклокочены от природы, а он еще усиливал живописный беспорядок, проводя по ним всей пятерней от затылка ко лбу. Бородка была подстрижена клинышком, но не совсем ровно, а седые усы пожелтели от никотина.

Повсюду — на полу, в пепельницах, у печурки, даже на стопках книг — валялись окурки.

Тяжело ступая, Лурса с сигаретой во рту пошел за бутылкой, которая пока что доходила на углу каминной доски до нужной температуры.

По Парижской улице, минуя отдаленные жилые массивы, изредка проезжали автобусы, вокруг фар вскипали капли дождя, непрерывно двигались «дворники», а внутри автобусов мертвенно белели пятна лиц.

Делать Лурса было нечего, он дал потухнуть окурку, потом снова зажег, потом выплюнул его на пол, а рука его тем временем нащупала первую попавшуюся книгу и открыла ее на случайно попавшейся странице.

Так он читал, не особенно усердно, потягивая маленькими глотками вино, мурлыкая себе что-то под нос, сплетая и расплетая ноги. Книг в кабинете было множество, чуть не до самого потолка. И в коридорах тоже, и во всех прочих комнатах были книги, его собственные и те, что достались ему от отца и деда.

Без особой охоты Лурса подходил к полке, стоял перед ней, очевидно забыв, зачем он здесь, и успевал выкурить сигарету, прежде чем выбирал книгу, потом утаскивал ее в свой кабинет совсем как щенок, который старательно прячет сухую корку под соломенную подстилку конуры...

Так длилось двадцать, точнее, восемнадцать лет, и никогда еще никому не удавалось уговорить его пообедать вне дома, ни у Рожисаров — его родичей, которые устраивали по пятницам обеды, после чего следовал бридж, ни у старшины адвокатского сословия, который был ближайшим другом его покойного отца, ни у его зятя Доссена, у которого собирались политические деятели, ни у префек-

та, хотя каждый вновь назначенный префект, не зная еще нрава Лурса, поначалу посылал ему приглашение.

Он почесывался, отфыркивался, сморкался. Ему было жарко. На домашнюю куртку с сигареты щедро сыпался тонкий пепел. Он прочел десять страниц какого-то труда по юриспруденции и сразу же открыл на середине чьи-то мемуары семнадцатого века.

Время шло, с каждым часом Лурса все больше тяжелел, глаза становились все более водянистыми, а движения торжественно медлительными.

Спальня, которую звали просто «комната», то есть та спальня, где поколение за поколением спали хозяева дома и которую сам Лурса занимал с женой, находилась в противоположном крыле дома на том же этаже. Но он уже давно не пользовался этой спальней. Когда вино кончалось, иной раз к полуночи, а иной раз значительно позже, он покидал кабинет, но, прежде чем уйти, никогда не забывал выключить электричество и приоткрыть окно, чтобы не угореть от печурки.

Затем он перебирался в соседнюю комнату, бывшую секретарскую, где теперь по распоряжению Лурса поставили железную кровать; не закрывая дверей, он раздевался, ложился и курил еще несколько минут в постели и наконец, шумно вздохнув, засыпал.

Сегодня вечером — это была вторая среда месяца, раз в префектуре давали обед для избранных, — Лурса особенно тщательно занялся печуркой, подложил угля и наслаждался более обычного разлившимся по комнате теплом, так как на дворе стояли холода, а в стекла барабанил дождь.

Он слышал стук капель, порой скрипел неплотно прикрытый ставень; внезапно поднялся ветер, шквальными порывами пролетал по улицам. Слышал он также размеренное, как стук метронома, тиканье своих золотых часов, лежавших в кармане жилета.

Он перечел несколько страниц путешествия Тамерлана, от книги шел запах ветхости, а переплет обтрепался. Возможно, он собрался уже идти за новой порцией духовной пищи, как вдруг медленно поднял голову, удивленный, заинтригованный.

Обычно, кроме свистков товарных составов да отдаленного шестеста автомобильных шин, сюда не долетало ни звука, если не считать шагов Жозефины Карлицы, которая всегда ложилась точно в десять часов, но с каким-то маниакальным упорством, прежде чем лечь в постель, раз двадцать обходила во всех направлениях свою каморку, помещавшуюся как раз над кабинетом хозяина.

Но ведь Фина давно легла. Какой-то новый звук, звук непривычный, достиг слуха Лурса, погруженного в сонное оцепенение.

Сначала ему почудилось, будто щелкает кнут, утрами он слышал такое щелканье, когда по их улице проезжал мусорщик на своей повозке.

Но этот звук шел не с улицы. И это было не щелканье кнута. Эхо от этого звука распространилось шире, звучало дольше. Вернее, ему показалось, будто его с размаху ударили в грудь, и он стал прислушиваться с недовольным, хмурым лицом; в общем, чувство, охватившее его в первую минуту, хоть и не было тревогой, но весьма походило на тревогу.

Но что показалось ему особенно странным, это тишина, наступившая затем. Тишина какой-то противоестественной плотности, в которой как бы дрожали взбаламученные волны.

Поднялся он не сразу. Сначала налил в стакан вина, выпил его залпом, зажал в зубах новую сигарету, встал, недоверчиво оглядываясь, шагнул к двери, но, прежде чем открыть ее, снова прислушался.

В коридоре он повернул выключатель, и три пыльные лампочки вспыхнули под потолком, подчеркнув длину коридора и осветив лишь пустоту и безмолвие.

— Николь! — произнес он вполголоса.

Теперь он уже знал, что слышал выстрел. Он, правда, пытался убедить себя, что, возможно, стреляли на улице, но сам в это не верил.

Он не очень испугался. Шел он медленно, по обыкновению ссутулясь, переваливаясь на ходу, как медведь, за что упрекала Лурса кузина Рожиссар, уверявшая, что он нарочно так ходит, желая поинтересничать. Впрочем, чего только она о нем не говорила!

Он добрался до каменной белой лестницы с металлическими перилами и, перегнувшись, оглядел пустую прихожую.

— Николь!

Хотя позвал он негромко, голос его разнесся эхом по всему дому.

Возможно, он ограничился бы тем, что прошел бы по коридору и снова заперся бы в своем мирном и жарко натопленном кабинете.

Но вдруг ему почудилось, что над его головой раздались поспешные шаги, хотя в этой половине верхнего этажа сейчас никто не жил, а раньше, когда у Лурса были еще дворник, шофер, садовник и горничные, мансарду занимала прислуга.

Спальня Николь помещалась в самом конце левого крыла дома, и отец направился туда по длинному коридору, совсем такому же, как тот, что вел в его кабинет, с той лишь разницей, что здесь из трех лам-

почек горели всего две. Он остановился перед дверьми спальни, бегом отметив про себя, что в щелку пробился луч света и тут же погас.

— Николь! — снова позвал он.

И постучал в дверь.

— Что случилось? — спросила дочь.

Он готов был поклясться, что голос доносится не из кровати, которая, по его расчетам, находилась много левее, — по крайней мере, так было в тот раз, когда, года два назад, Лурса случайно забрел в спальню дочери.

— Откройте! — сказал он только.

— Сию минуту...

Минута, однако, длилась довольно долго, за дверью кто-то суетился, стараясь не стукнуть и не зашуметь.

В дальнем конце коридора находилась винтовая лестница, которой пользовались все обитатели дома, хотя считалась она лестницей для прислуги.

Лурса все еще ждал, когда внезапно скрипнула ступенька винтовой лестницы. Тут уж сомнений быть не могло. И когда он обернулся со всей отпущенной ему природой ловкостью, ему показалось, нет, не показалось, он отчетливо увидел, как кто-то скользнул по ступенькам, скорее мужчина, чем женщина; он мог бы даже поклясться, что это был молодой человек в бежевом плаще.

Дверь открылась, Николь оглядела отца с обычным своим спокойствием, где не было места ни любопытству, ни любви, с тем спокойствием, которое порождается лишь глубочайшим равнодушием.

— Что вам надо?

Лампа под потолком и ночник горели, кровать была смята, но Лурса решил, что простыни разбросаны с умыслом. Николь была в халатике, но в чулках.

— Вы ничего не слышали? — спросил он, снова бросив взгляд на винтовую лестницу.

Она сочла нужным объяснить ему:

— Я спала.

— В доме кто-то есть.

— Вот как?

Одежда Николь валялась на коврик.

— Мне показалось, что кто-то стрелял...

Лурса направился в дальний конец коридора. Он не испытывал страха. Не волновался. Еще немного, и он, презрительно пожав плечами, возвратился бы к себе в кабинет. Но если действительно стре-

ляли, если он действительно видел молодого человека, промелькнувшего на лестнице, пожалуй, лучше пойти посмотреть.

Самое удивительное было то, что Николь не сразу последовала за отцом. Она замешкалась в спальне, и, когда он, почувствовав за спиной ее присутствие, оглянулся, Николь уже была без чулок.

Ему это было все равно. Николь могла делать все, что ей заблагорассудится. Все эти подробности он отмечал про себя просто так, бессознательно.

— Я уверен, что по лестнице только что спустился какой-то человек. Раз дверь внизу не хлопнула, значит он укрылся где-нибудь в темноте.

— Интересно, чем здесь может поживиться вор. Разве что старыми книгами...

Николь была выше отца, такая же ширококостная, даже, пожалуй, полная, ее густые белокурые волосы отдавали рыжиной, а желтые, как часто бывает у рыжих, глаза казались особенно светлыми.

Она шла за отцом без всякой охоты, но и без страха, такая же хмурая, как и ее родитель.

— Я ничего больше не слышу, — сказал Лурса.

Взглянув на Николь, он подумал, что, может быть, молодой человек как раз приходил к дочери, и снова чуть было не повернул к себе в кабинет.

Но, случайно подняв голову к лестничной клетке, он заметил наверху расплывчатое пятно света.

— На третьем этаже горит лампочка.

— А может быть, это Фина?

Он бросил на дочь тяжелый презрительный взгляд. Что делать Фине в полночь в этой части дома, куда складывали всякую рухлядь? К тому же Фина отчаянная трусиха; когда Лурса уезжал из дому, она заявляла, что будет ночевать в комнате Николь, и действительно перетаскивала туда свою раскладушку.

Он неторопливо поднимался со ступеньки на ступеньку, догадываясь, что это их ночное путешествие неприятно дочери. Впервые за долгие годы он отступил от своего обычного, жестко ограниченного маршрута.

Сейчас он словно проникал в неведомый ему мир и усиленно принохивался, потому что чем выше он поднимался, тем явственнее становился запах пороха.

Коридор на третьем этаже был совсем узкий. В незапамятные времена, лет тридцать тому назад, в коридоре второго этажа смени-

ли ковры и старый ковер расстелили здесь. Вдоль стен шли полки, плотно забитые книгами без переплетов, журналами, сборниками, разрозненными комплектами газет.

Николь все так же невозмутимо шла за отцом.

— Вы же видите, здесь никого нет!

Она не прибавила: «Вы выпили лишнего». Но невысказанный упрек явно читался в ее глазах.

— Кто-то ведь зажег здесь свет! — возразил он, указывая на горящую электрическую лампочку.

И, нагнувшись, добавил:

— И бросил незатушенную сигарету!

Сигарета, которую он подобрал с пола, уже прожгла красноватый ковер, и в дырку виднелись нитки основы.

Он шумно вздохнул, потому что подъем дался ему нелегко, нерешительно шагнул вперед, все еще прикидывая в уме, не разумнее ли вернуться к себе в кабинет.

С третьим этажом у него были связаны воспоминания детства — тогда все три комнаты, расположенные по левой стороне коридора, занимала прислуга. В первой с края жила Ева, горничная, предмет его тайных вздыханий, которую он как-то вечером застал с шофером в весьма недвусмысленной и надолго запомнившейся ему позе.

Заднюю комнату занимал Эзеб, садовник, и к нему Лурса мальчишкой ходил мастерить силки для воробьев.

Ему показалось, что дверь в эту комнату неплотно прикрыта. Он прошел вперед, дочь на этот раз осталась стоять на месте, и толкнул дверь без особого любопытства, просто чтобы посмотреть, что стало с жильем Эзеба.

Стоявший здесь запах не оставлял никаких сомнений, к тому же ему почудилось в глубине комнаты какое-то легкое движение, вернее, какой-то трепет жизни.

Лурса поискал выключатель, так как уже забыл, с какой стороны он расположен. При свете лампочки он увидел пару устремленных на него глаз.

Он не шелухнулся. Просто не мог. Было что-то необычное во всем этом происшествии, в этих глазах.

Этими глазами смотрел на него человек, лежавший на постели. Плед прикрывал его лишь до пояса. Одна нога в пухлой повязке, возможно даже с шиной — такие шины накладывают при переломах, — свисала с кровати.

Впрочем, всего этого Лурса почти не заметил. Единственное, что имело значение, — это глаза незнакомца, смотревшего на Лурса в его собственном доме, под его кровом, с невысказанным мучительным вопросом.

На постели лежал мужчина; лицо, коротко подстриженные бобриком густые волосы — все было явно мужским, а вот глаза, глаза были совсем детские, огромные, испуганные, и Лурса показалось даже, что в них застыли слезы.

Ноздри вздрогнули, губы шевельнулись. Лицо исказила еле заметная гримаса вроде той, что предшествует крику или плачу.

Звук... Человеческий звук... Не то бульканье, не то первый хриплый зов новорожденного...

И сразу же тело опало, застыло в неподвижности, и произошло это так внезапно, что Лурса на мгновение затаил дыхание.

Когда наконец он пришел в себя, ему хватило сил лишь провести ладонью по волосам и сказать, причем он услышал свой голос будто со стороны:

— Да он, очевидно, умер...

Лурса повернулся к Николь, которая стояла чуть поодаль, в коридоре, в лазоревых домашних туфлях на босу ногу. Он повторил:

— Умер.

И тут же озадаченно спросил:

— А кто он?

Нет, Лурса не был пьян. Да он никогда и не бывал пьян. По мере того как день близился к вечеру, поступь его становилась вся тяжелее, голова, особенно голова, тоже тяжелела, мысли лениво цеплялись одна за другую, и случалось, он произносил вполголоса какие-то слова — слова, которых не мог понять никто из посторонних и которые были единственными внешними проявлениями его внутренней жизни.

Николь смотрела на отца с ошеломленным видом, будто самым необычным за сегодняшний вечер был не выстрел, не зажженная лампочка, не человек, умерший в этой комнате, а сам Лурса, как всегда, невозмутимо спокойный и грузный.

Кассирша в кинотеатре наконец закрыла свою стеклянную каску, где сидеть зимой было подлинной мукой, хотя она приносила с собой из дома грелки. Парочки на минуту появлялись в полосе света и сразу исчезали в сыром мраке. Скоро во всех кварталах откроются и тут же захлопнутся двери, в уличной тишине гулко разнесется:

— До завтра...

— Покойной ночи...

В префектуре уже разносят оранжад — первый сигнал гостям, что пора расходиться.

— Алло! Рожиссар?

Прокурор, стоя в ночной рубашке — он так и не мог привыкнуть спать в пижаме, — нахмурился и покосился на жену, поднявшую от книги глаза.

— Что вы говорите?.. Как, как?

Лурса вернулся к себе в кабинет. Николь, все еще в халате, стояла у порога. Fiна — она же Карла — не подавала признаков жизни; если даже она проснулась, то, наверное, забилась от страха под одеяло и жадно ловит все шумы в доме.

Лурса повесил телефонную трубку, ему захотелось выпить, но бутылка оказалась пустой. Дневной запас уже иссяк. Придется спускаться в погреб, где до сих пор так и не собрались провести электричество.

— Думаю, что вас будут допрашивать, — обратился он к дочери. — Поэтому советую хорошенько собраться с мыслями. Может быть, вы все-таки оденетесь?

Николь жестко взглянула на отца. Впрочем, это не имело никакого значения, раз они все равно не любили друг друга и с молчаливого согласия уже давно ограничили свои отношения только встречами в столовой. Да и то скорее по привычке, потому что даже за едой они по большей части молчали.

— Если вы знаете этого человека, по-моему, разумнее сразу в этом признаться. А что касается того, который прошел...

Николь повторила:

— Я ничего не знаю.

— Как вам угодно. Будут допрашивать также Фи́ну и, безусловно, горничную, которую вы рассчитали...

Он не глядел на дочь, но ему почудилось, будто эти слова произвели на нее впечатление.

— Они скоро придут, — заключил он, вставая и направляясь к двери.

Впрочем, не так-то уж скоро! Конечно, Рожиссар явится не один, он непременно вызовет секретаря суда, комиссара полиции или жандармов. В курительной комнате в стенном шкафу стояли ликеры и винный спирт, но Лурса к ним никогда не притрагивался, он направился в погреб; свечу он с трудом отыскал в кухне, потому

что, за исключением облюбованного им уголка, был словно чужой в собственном доме.

Раньше в этой кухне, еще во времена Евы...

Он взял бутылку там, где и обычно, — на полках, тяжело отдуваясь, поднялся из погреба, сделал передышку на первом этаже и из любопытства решил проверить дверь черного хода, выходящую в тупик Таннер.

Дверь не была заперта на ключ. Он открыл ее — с улицы на него неприятно пахло холодом и вонью помоек, — снова закрыл дверь и побрел в свой кабинет.

Николь здесь уже не было. Должно быть, пошла одеваться. С улицы донесся шум; приоткрыв ставни, Лурса заметил полицейского на мотоцикле, которого, очевидно, прислал Рожиссар и который теперь ждал прокурора на обочине тротуара возле дома.

Лурса аккуратно содрал воск с пробки, откупорил бутылку, думая о том мертвце, о том человеке наверху, которому выстрелили прямо в грудь, почти в упор, думал он также о стрелявшем: по-видимому, тот не отличался особенным хладнокровием, ибо пуля не пробилла сердца, а попала много выше, почти в шею. Очевидно, поэтому раненый и не крикнул, а издал какое-то урчание. Он умер от потери крови там, наверху, и одна нога у него свисала с постели.

Был он высокого роста, почти гигант, и оттого, что он лежал неподвижно, вытянувшись, он казался особенно огромным. Стоя, он был, должно быть, на голову выше Лурса, и черты лица у него были грубые, в них проглядывало что-то бессознательно зверское, как это бывает порой у крестьян могучего телосложения.

Как удивился бы Лурса, если бы заметил, что, выпив полстака на бургундского, произнес вслух:

— Странно все-таки!

Сверху донесся какой-то шорох. Карла ворочалась на своей постели, но поднять ее удастся только силой.

В «Отель де Пари» трое коммивояжеров сели играть в белот с хозяином, время от времени поглядывавшим на часы. Пивные уже закрывались. В префектуре привратник собственноручно запер тяжелые двери, и последняя машина отъехала от подъезда.

Дождь лил все так же упорно, только падал он теперь косыми струями, потому что поднялся северо-восточный ветер и там, далеко в море, должно быть, разыгрался шторм.

Поставив локти на письменный стол, Лурса скреб пальцами голову, осыпал пеплом отвороты куртки, потом обвел комнату взгля-

дом своих водянистых глаз, тяжело с присвистом вздохнул и про-
бормотал:

— Они от этого прямо с ума сойдут.

«Они» — это в первую очередь, конечно, Рожиссар или, скорее, Лоранс, его супруга, которую страстно интересуют проблемы добра и зла, все, что делается, и все, что, по ее мнению, следовало бы делать; а затем уже прочие, например судейские в полном составе, которые обычно не знали, как себя вести, когда Лурса случалось выступать защитником; в общем, все они — судьи, его коллеги адвокаты и еще такие типы, как Доссен, его зять Доссен — владелец завода сельскохозяйственных машин, который трется среди политических деятелей и метит на должность генерального советника; как его жена Марта, вечно больная, вечно скорбящая, вечно одетая в какие-то разлетающиеся хламиды, — и хотя доводится она родной сестрой Лурса, они не видятся годами; вся улица, все солидные люди, по-настоящему состоятельные или прикидывающиеся таковыми, коммерсанты и рестораторы, члены различных комитетов, равно как и члены фешенебельного клуба, все сливки общества и все его подонки.

Хочешь не хочешь — придется начать расследование!

Потому что незнакомца убили на постели в его доме...

А он, Лурса, в сущности их родич, родич тех, с которыми считаются, которые достигли известного положения, родич по узам крови или по узам брака, внук бывшего мэра, чьим именем названа одна из улиц города и чей бюст водружен в одном из городских скверов!

Он осушил стакан и сразу налил еще вина, но выпить не успел, так как к дому шумно подкатили машины, две или даже больше; Фина по-прежнему не желает вылезать из постели, Николь ни за что не спустится, и придется самому идти вниз, возиться с непривычными засовами, пока там, на улице, хлопают дверцы автомобилей.

II

Когда Лурса открыл глаза, было уже одиннадцать, но он еще не знал этого, так как ему лень было протянуть руку и вынуть из жилетного кармана часы. В комнате из-за закрытых ставен стоял полумрак, как в подвале, и только в ставнях ярко светились две маленькие круглые дырочки.

На эти два блестящих глазка Лурса обычно глядел с сосредоточенным вниманием, как, пожалуй, ни на что больше во всем свете, —

с таким сосредоточенным вниманием часами могут рассматривать какой-нибудь пустяк дети — ведь по этим глазкам он должен был угадать, какая сегодня погода. Отнюдь не будучи суеверным, Лурса создал свою собственную систему примет: так, в те дни, когда он правильно угадывал, какая на дворе погода, все шло благополучно.

Солнце! — решил он. Потом грузно повернулся на бок и нажал кнопку звонка, который заверещал под сводами похожей на склеп кухни, где царила их Фина. Как раз сейчас она наливала стакан вина полицейскому, без церемоний усевшемуся за стол.

— Что это? — осведомился полицейский.

И Фина равнодушно ответила:

— Да так, ничего.

Лежа с открытыми глазами, Лурса ждал, прислушиваясь к тому, что творится в доме, но звуки доходили сюда расплывчатые, приглушенные расстоянием и поэтому непонятные. Он позвонил еще раз. Полицейский взглянул на Фину, а та в ответ пожала плечами:

— Чтоб он сдох!

Она сняла кофеварку, стоявшую на краю плиты, сердито потрянула ее, наполнила кофейник, схватила со стола засиженную мухами сахарницу. Поднявшись наверх, она не дала себе труда ни постучать в дверь кабинета, ни пожелать хозяину доброго утра. Просто грохнула поднос на стул, служивший ночным столиком, затем подошла к окну и открыла ставни.

Лурса понял, что проиграл. Небо было серо-зеленое, цвета ртuti. Правда, через мгновение оно вроде просветлело, но тут же снова нахмурилось, его заволокли дождевые тучи, дышавшие холодом.

— Кто там внизу?

Каждое утро, просыпаясь, Лурса переживал малоприятный час, но он уже свыкся и разработал целую серию приемов, чтобы хоть отчасти смягчить утренние муки. Главное — не торопиться вставать и двигаться, потому что голова после сна какая-то пустая и в желудке начинаются спазмы. Надо подождать, пока Карла разожжет огонь, что она и проделывала, грубо хватая уголь и спички, словно срывала на них злость.

— Людей полно и внизу, и наверху! — ответила она, бросая на кровать хозяйскую рубашку.

— А где мадемуазель?

— Заперлась с одним из этих господ и сидит целый час в большой гостиной.

Злобный нрав Карлы уже не казался ему таким забавным, как в былые времена, он уже успел к нему привыкнуть. Николь было всего два года, когда Фину взяли в дом смотреть за девочкой, и внезапно в один прекрасный день она возненавидела всех на свете, а в особенности самого Лурса.

Впрочем, адвоката это мало заботило. Он вообще не замечал, что делается в доме, и все же ему случалось, открыв по ошибке дверь, застать их Карлу, которая, стоя на коленях, старалась отогреть в руках или у тощей своей груди босые ноги Николь, что не мешало ей злиться на свою молодую хозяйку иногда по несколько недель кряду по каким-то своим таинственным причинам!

После чашки кофе наступила очередь минеральной воды, он прополаскивал ею горло, потом выпивал целую бутылку. Только после всех этих процедур можно было вставать. Но окончательно он начинал чувствовать себя человеком часом позднее, выпив два-три стакана вина.

- Прокурор тоже приехал?
- Я его не знаю!

Лурса редко пользовался ванной комнатой, находившейся в противоположном конце дома, напротив его бывшей спальни. Ему вполне хватало тазика в стенном шкафу, стакана с зубной щеткой и гребенки. Он одевался в присутствии Фины, присевшей на корточки возле печурки, печурка у нее капризничала и никогда не загоралась сразу.

- А как себя чувствует мадемуазель?

И Фина, скорчившись у печурки, ответила ему, словно укусила своими острыми, как у грызуна, зубами:

- А как она, по-вашему, должна себя чувствовать?

Вчера все получилось довольно забавно. Режиссар, очень высокий и очень тощий субъект, так же как и его жена, — недаром в городе их прозвали Жердями! — с озабоченным видом пожал кузену руку и, недовольно нахмурившись, спросил:

- Что это вы такое нарасказали по телефону?

Чувствовалось, что он ничуть не удивится, если адвокат фыркнет ему в лицо и крикнет:

- А вы и поверили?

Но не тут-то было! На кровати действительно лежал труп, и прокурор готов был поклясться, что Лурса демонстрирует его с гордостью, чуть ли не с радостной улыбкой на лице.

— Вот! — заявил он. — Не знаю ни кто он, ни как он сюда попал, ни что с ним случилось. Думаю, это уж по вашей части, не так ли?

Секретарь то и дело кашлял, и Лурса, не удержавшись, взглянул на него сначала нетерпеливо, а потом с нескрываемой злобой, до того его раздражало это назойливое покашливание. Приехал также комиссар — не то Бине, не то Визе, коротышка с выпученными рыбьими глазами, с поредевшей шевелюрой; этот с каким-то маниакальным упорством вставлял кстати и некстати «извините». Без всякого злого умысла он все время попадался вам под ноги, и скоро Лурса не мог без отвращения видеть ни самого Бине, ни его ратиновое пальто шоколадного цвета.

— Николь дома? — осведомился Рожиссар, который, пожалуй, впервые в жизни испытывал столь неприятное ощущение.

— Одевается. Сейчас придет.

— Она знает?

— Она была со мной, когда я открыл дверь.

Очевидно, Лурса выпил много, даже чуть больше, чем обычно, и язык у него слегка заплетался. Это было неприятно, особенно перед секретарем, перед комиссаром, перед товарищем прокурора, который только что прибыл вместе с начальником полиции.

— Никто в доме этого человека не знает?

Все-таки Николь молодец. Уже вышла к посетителям, да еще как вышла! Лурса удивился — настоящая светская дама. Казалось, она просто появилась в салоне, где ее ждут гости, и протянула прокурору руку.

— Здравствуйте, кузен...

И, повернувшись к остальным, проговорила, ожидая, когда их ей представят:

— Господа...

Это было подлинное откровение, отец впервые видел дочь такой.

— А что, если мы отсюда уйдем? — предложил Рожиссар Жердь. На его нервы начинал действовать этот труп с открытыми глазами. — Может быть, комиссар, вы воспользуетесь случаем и осмотрите комнату?

Перешли в столовую, так как уже много лет хозяева не пользовались гостиной нижнего этажа.

— Разрешите, Лурса, побеседовать с Николь?

— Пожалуйста. Если я вам понадобится, я буду у себя в кабинете.

Через полчаса к нему в кабинет пришел Рожиссар, на сей раз один.

— Николь твердит, что ничего не знает. Вообще малоприятная история, Лурса. Я велел отвезти тело в морг. Не стоит начинать расследование ночью. Придется оставить здесь в доме человека...

Пусть оставляет, если хочет! Взгляд адвоката был еще более мутным, чем обычно, а на письменном столе стояла пустая бутылка.

— Вы действительно не имеете ни малейшего представления о том, что произошло?

— Ни малейшего!

Произнес он эти слова таким тоном, который при желании можно было счесть за угрозу. А может, он просто насмеялся над своим кузеном.

Положение было особенно щекотливым потому, что Гектор Лурса, даже пьяница и нелюдим, каким он стал с годами, все еще принадлежал к хорошему обществу Мулэна.

Конечно, он не посещал салонов, но ни с кем не был в ссоре, и при случайных встречах на улице или в суде ему пожимали руку.

А если он пил, то пил в одиночестве, в своей норе, и правил приличия не нарушал.

В чем же можно было его упрекнуть? Напротив, еще приходилось его жалеть, сокрушенно вздыхать: «Какая досада! Безусловно, самый одаренный человек в городе!»

Это было истинной правдой, хотя вспоминали об этом лишь в тех редких случаях, когда Лурса соглашался выступить защитником в суде.

Прежде за ним ничего такого не замечали до тех самых пор, когда восемнадцать лет назад перед Рождеством его жена вдруг навсегда покинула дом, оставив на руках мужа двухлетнюю крошку Николь. Передавая друг другу эту историю, люди невольно улыбались. В течение долгих недель дверь его дома была на запоре. Более или менее близкие родичи Лурса, такие как Рожиссар, выговаривали ему:

— Нельзя так раскисать, дорогой мой. Нельзя же в самом деле жить вне общества, как больное животное!

Но оказалось — можно, раз он прожил так целых восемнадцать лет! Целых восемнадцать лет, в течение которых он не испытывал нужды в человеческом обществе; ему не требовались ни друзья, ни любовницы, ни даже слуги, так как Фина, которую он нанял, не занималась ничем, кроме Николь.

А он ею не занимался. Он просто не замечал дочь, и не замечал с умыслом. Не то чтобы он ее ненавидел, ведь не может в самом деле девочка отвечать за чужие грехи, но, сопоставив кое-какие факты, Лурса даже стал подозревать, что Николь не его дочь, а дочь помощника тогдашнего префекта.

Эта драма без драмы взбудоражила все умы. Главным образом потому, что произошло все это совершенно неожиданно, потому, что бегству жены Лурса не предшествовали сплетни, потому, что никто так и не узнал, что было потом.

Звали ее Женевьева. И она принадлежала к одному из десяти лучших семейств города. Была она хорошенькая, хрупкая. Когда она вышла за Лурса, все считали, что это брак по любви.

Ни сплетен в течение трех лет после свадьбы, ни компрометирующих слухов. И вот в один прекрасный день стало известно, что Женевьева укатила, не сказав никому ни слова, с Бернармом, что она уже давно, чуть ли не с первых дней замужества, была его любовницей, иные уверяли даже, что и до замужества тоже.

И с тех пор о беглецах не было ни слуху ни духу. Ничего, совсем ничего! Лишь один-единственный раз родители Женевьевы получили открытку из Египта, а на открытке стояла только ее подпись.

Чувствуя во рту вязкую горечь, он прошел по коридору, добрался до лестницы и увидел с площадки, что на нижней ступеньке сидят какие-то два человека в шляпах. С минуту он глядел на них тяжелым и рассеянным взглядом, который с трудом можно было вынести, взгляд этот появился в последние годы, и в нем ничего нельзя было прочесть, — потом поднялся на третий этаж, откуда доносился шум голосов и шаги.

Комиссар Бине, пятившийся задом, натолкнулся на Лурса, перепугался и завел свои бесконечные «извините». Тут было еще три человека, один из них фотограф с чудовищно огромным аппаратом, и все работали так, как привыкли работать: кто с трубкой, кто с сигаретой в зубах, что-то вымеряли, что-то искали, передвигали мебель в комнате, где был обнаружен труп.

— Прокурор не приехал? — спросил Лурса, поглядев с минуту на эту возню.

— Не думаю, что он вообще приедет: здесь следователь.

— А кто именно?

— Дюкуп. По-моему, он внизу ведет допрос. Извините, пожалуйста...

СОДЕРЖАНИЕ

Неизвестные в доме. <i>Перевод Н. Жарковой</i>	5
Дождь идет. <i>Перевод В. Курелла</i>	151
Три комнаты на Манхэттене. <i>Перевод Ю. Уварова</i>	235
До самой сути. <i>Перевод Э. Шрайбер</i>	371
Новый человек в городе. <i>Перевод Ю. Корнеева</i>	485
Братья Рико. <i>Перевод Н. Брандис, Э. Шрайбер</i>	603
Поезд из Венеции. <i>Перевод Н. Брандис, Э. Шрайбер</i>	717
Кот. <i>Перевод Э. Шрайбер</i>	817